
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Россия в контексте глобальных экономических трендов¹

Рецензия на книгу: Паласиос-Уэрта И. (ред.) (2016)

Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее.

М.: Издательство Института Гайдара.

Е.В. БАЛАЦКИЙ*

*Балацкий Евгений Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 109456, Москва, 4-й Вешняковский проезд, д. 4, офис 219. E-mail: evbalatsky@inbox.ru

Цитирование: Balatsky E. (2016) Russia in the Context of Global Economic Trends. *Mir Rossii*, vol. 25, no 3, pp. 176–186 (in Russian)

В статье обсуждаются глобальные проблемы, которые встанут перед человечеством в следующие 100 лет и которые раскрываются в книге под редакцией Игнасио Паласиос-Уэрта «Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее». Рассматривается вопрос, в какой степени грядущие тренды затронут экономику нашей страны и какое место сможет занять Россия в новой конфигурации мира.

Ключевые слова: глобализация экономики, неравенство, экономический рост, экология, управление рисками, институты

В 2013 г. вышла в свет поразительная книга «Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее», которая была переведена и издана в России в 2016 г. [Паласиос-Уэрта 2016]. Книга, разумеется, во всех отношениях является интригующей. Во-первых, мы все хотим знать, что ожидает человечество в долгосрочной

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №14-02-00234а).

перспективе, во-вторых, всем интересно, что об этом думают наиболее влиятельные и харизматичные экономисты современности. Однако есть в задумке Игнасио Паласиоса-Уэрты, который сгенерировал идею книги и собрал для ее написания коллектив крупнейших ученых, один фундаментальный недостаток – прогнозы на столь длительный срок не только не могут быть точными и реалистичными, но их даже сопоставить с реальностью вряд ли кто-нибудь сможет, ибо через 100 лет такие прогнозы уже канут в Лету. А Авинаш Диксит даже откровенно иронизирует по этому поводу: «я не доживу до того момента, когда меня поднимут на смех за эффектно разошедшиеся с действительностью прогнозы» [Паласиос-Уэрта 2016, с. 95]. Тем не менее Дарон Асемоглу вносит ясность и одновременно с этим задает разумный формат дискурса книги: «...прогноз помогает нам увидеть вызовы, которые ожидают нас впереди» [Паласиос-Уэрта 2016, с. 18]. А Эдвард Глейзер уточняет: при прогнозировании «важно не то, что может произойти, а то, что может резко пойти не так» [Паласиос-Уэрта 2016, с. 111]. Именно с этой точки зрения книга представляет интерес для современного читателя.

Однако было бы совершенно непродуктивно пересказывать идеи книги безотносительно к какой-то конкретной проблеме. На наш взгляд, в данном издании присутствует глобальный подход, который нуждается хотя бы в самой минимальной адаптации к теме будущего развития России. Насколько наша страна вписывается в глобальные тренды? Будет ли она находиться на обочине этих трендов или в самой гуще их реализации? Выиграет она или проиграет в результате возникновения новых явлений? Сделаем небольшой экскурс по книге в данном контексте.

Россия как символ экстрактивных институтов

В последнее время в институциональной экономике большую популярность получила теория экстрактивных и инклюзивных режимов, развитая в работах Д. Асемоглу и Дж. Робинсона [Аджемоглу, Робинсон 2015; Асемоглу, Робинсон 2015]. Согласно этой теории, технологический прогресс возникает и распространяется при наличии институтов особого типа, который называется *инклюзивным* (вовлекающим) и дает стимулы и возможности для экономической активности широких слоев населения (т.е. *вовлечение масс* в созидательную деятельность). На другом полюсе лежат *экстрактивные* (извлекающие) институты, которые характеризуются защитой прав в пользу ограниченной элиты (т.е. *извлечение выгоды* из существующей экономической системы) [Паласиос-Уэрта 2016, с. 41]. Наличие двух таких институциональных режимов позволяет, по мнению Д. Асемоглу, объяснить все тренды последнего столетия; и именно борьба этих двух типов институтов предопределяет тренды последующего столетия.

Надо сказать, что данная парадигма отнюдь не является новой и революционной. Напомним, что теория Дугласа Норта и его соавторов включает два аналогичных институциональных способа организации общества – *порядок ограниченного (привилегированного) доступа* (ПОД) к ресурсам и *порядок открытого (свободного) доступа* (ПСД) к ресурсам [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011;

Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст 2012]. Инклюзивные институты с ПСД в целом ведут к активному экономическому развитию, тогда как экстрактивные институты с ПОД сдерживают творческий потенциал конкретных людей и всего общества. Однако в отдельные периоды времени могут возникать разные эффекты: например, иногда элиты даже в рамках экстрактивных институтов могут инициировать прогрессивные изменения. Настоящая же интрига взаимодействия стран с двумя типами институтов состоит в том, что экстрактивные сообщества способны мобилизовать ресурсы для переноса передовых технологий из стран с инклюзивными институтами. И советская Россия, по мнению Д. Асемоглу, являлась главным примером экстрактивных институтов, продемонстрировавших беспрецедентный технологический успех догоняющего типа. Тем не менее Д. Асемоглу настаивает на том, что ни одно экстрактивное общество не произвело существенного технологического прогресса, ибо, по выражению Ангуса Дитона, «догоняющий рост проще, чем рост» [*Паласиос-Уэрта* 2016, с. 85]. По пути России в свое время шла Южная Корея, а теперь идет Китай. И именно наличие экстрактивных институтов лежит в основе неверия Д. Асемоглу в долгосрочный прогресс Китая и его превращение в новый мировой экономический центр. Вторит ему и Ангус Дитон, который прямо заявляет, что «политический режим в Китае не таков, чтобы легко допустить творческое разрушение», лежащее в основе инклюзивных институтов [*Паласиос-Уэрта* 2016, с. 84]. Данный тезис в полной мере распространяется и на современную Россию, успехи которой могут быть сколь угодно впечатляющими, но все равно они будут временными и рано или поздно сменятся технологической депрессией.

Данные соображения являются принципиальными. Дело в том, что до трансформаций, происшедших в Англии в XVII в., экстрактивные институты были нормой на протяжении всей истории человечества. И только по мере внедрения инклюзивных институтов началось преодоление так называемой мальтузианской ловушки, которая длилась на протяжении предыдущих 10 тысяч лет существования человечества и предполагала отсутствие роста душевого дохода. Не удивительно, что Д. Асемоглу связывает сохранение этого позитивного тренда роста благосостояния с укреплением инклюзивных институтов.

Разумеется, с тезисами Д. Асемоглу можно полемизировать, но в целом они верно отражают социальную диспозицию. В связи с этим уместно вспомнить один важный момент в развитии советской экономической науки: в конце 1980-х гг., когда технологический застой в СССР начал проявляться в полной мере, чуть ли не главным направлением экономической мысли была экономика научно-технического прогресса (НТП). Это связано с тем, что к этому времени стало ясно, что никаких естественных механизмов стимулирования технологических инноваций в стране нет, а это грозило поражением в противостоянии мировой системе капитализма. Все волевые и административные методы внедрения НТП не давали результата: даже то, что изобреталось и придумывалось, оказывалось невостребованным и «ложилось под сукно». Сегодня в России происходит возврат к экстрактивным методам управления, которые принимают столь же вычурные формы. Например, наука в российских вузах и институтах внедряется «силовым» путем сверху, когда регулятор заставляет подопечные организации выдавать кучу научных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. Тем самым экстрактивный режим

России в очередной раз начинает копировать инклюзивные механизмы Запада, никак не соотнося их с развитием отечественной науки и производства. При этом конечная цель публикационной деятельности ученых нигде и никем не определена, а процедуры научной отчетности забюрократизированы до предела. Все это говорит об одном – Россия в очередной раз стоит перед выбором: либо ломать устоявшийся режим экстрактивных институтов и переходить к построению инклюзивных институтов и идти в русле мировых технологических трендов, либо продолжать идти своим уникальным путем с риском довольно быстрого скатывания на обочину мировой экономики.

Эта дилемма, вытекающая из доктрины Д. Асемоглу, с теоретической точки зрения является неочевидной и спорной, а с практической – болезненной и разрушительной для российской элиты. Например, Советский Союз в свое время показал, что может не только копировать технологические достижения Запада, но и способен стать лидером в таких высокотехнологичных отраслях, как космос и авиастроение. Да и сегодняшний Китай уже по многим направлениям начинает обходить США: в области химических технологий, медицине, строительстве. Именно по этой причине экстрактивные институты недооценивать нельзя. С практической же точки зрения трудно себе представить, как нынешняя элита России могла бы поделиться своими привилегиями с массами, да еще и обеспечить за счет этого технологический прогресс. Тем не менее от решения этого сакраментального вопроса зависит интеграция России в мировые экономические тренды. Можно смело утверждать, что построение современных инклюзивных институтов в России – это главный вызов грядущего столетия, стоящий перед нашей страной. Хотя в настоящее время Россия явно находится на пике институциональной экстрактивности, возможности перехода к инклюзивному режиму есть, и при удачном стечении обстоятельств наша страна вполне может занять достойное место среди стран-лидеров.

Грядущая интенсификация интеллектуальной деятельности

Весьма неожиданную картину будущего нарисовал Элвин Рот. Он, в частности, заостряет внимание на *отвратительных* и *обычных* сделках и их взаимной инверсии. Под отвратительной сделкой подразумевается сделка, которую одни люди хотели бы заключить, а другие – пресечь. Как оказывается, на длительном интервале времени некоторые отвратительные сделки переходят в разряд обычных и наоборот. Например, долгое время взимание процентов считалось отвратительным, а сегодня без этого невозможно представить банковскую систему. И, наоборот, работорговля раньше считалась нормальным видом бизнеса, а сегодня она абсолютно неприемлема [Паласиос-Уэрта 2016, с. 200]. Отсюда вытекает чрезвычайно интересная прогнозная цепочка.

Прежде всего, Э. Рот полагает, что рост мировой экономики сохранится. Это означает, что число всевозможных связей в экономической системе будет возрастать в геометрической прогрессии. Это в свою очередь потребует более интенсивного умственного труда. Можно предположить, что требования к работникам умственного труда со временем чудовищно возрастут: например, университетский

профессор должен будет писать и публиковать по одной статье каждую неделю. Это отнюдь не утопия; уже сегодня есть признаки того, о чем говорит Э. Рот. Между тем такая колоссальная умственная нагрузка может оказаться не под силу обычному человеку, и он, стремясь получить университетский контракт, станет систематически пользоваться фармакологическими препаратами, стимулирующими внимание и креативность. Похожая ситуация имела место, когда профессиональные спортсмены начали практиковать применение допинга, которое со временем попало в разряд отвратительных сделок. По мнению Э. Рота, не исключено, что применение интеллектуальных стимуляторов, которые сегодня кажутся неприемлемыми и отвратительными, в будущем могут стать обычной практикой. Более того, некоторые медикаменты, улучшающие, например, память, будут рассматриваться уже не как стимуляторы, а как лекарства от состояний, которые мы раньше не считали болезнями. Благодаря такой практике люди будущего смогут существенно повысить свою производительность, и не исключено, что этот процесс станет тотальным.

Как это ни парадоксально, но в России создана такая университетская система, которая уже сегодня предъявляет непомерные требования к своим профессорам; и эти требования постоянно возрастают. Вполне возможно, что данное обстоятельство приведет к тому, что Россия станет одной из первых стран, в которых начнется применение фармакологических интеллектуальных стимуляторов. В этом смысле есть все предпосылки того, что Россия окажется первопроходчиком нового тренда. Скорее всего, это будет очередной парадокс догоняющего развития в когнитивной сфере.

Еще один тренд будущего столетия связан с распространением сетевых моделей взаимодействия ученых. Говоря об этом, Э. Рот приводит поразительный пример: еще в 1990 г. он был одним из авторов работы, в которой не все коллеги были знакомы друг с другом. В то время подобный опыт если и не классифицировался как отвратительный, но, во всяком случае, выглядел весьма экзотично. По всей видимости, в будущем такого рода творческие коллективы, в которых люди будут общаться дистанционно, станут нормой. По мере повышения качества и простоты удаленного доступа будут создаваться группы ученых, которые в процессе сотрудничества ни разу не пожмут друг другу руку. Есть основания полагать, что и здесь Россия может оказаться в авангарде нарождающегося тренда. Огромная территория государства порождает длительность и дороговизну физического перемещения в пространстве, что на фоне скромных заработков отечественных ученых будет инициировать применение сетевых моделей сотрудничества исследователей как внутри, так и за пределами страны. Возрастающие же требования относительно числа научных статей, скорее всего, сделают дистанционные контакты безальтернативными.

Новые подходы борьбы с рисками

Ожидаемый рост экономики и ее усложнение будут сопровождаться новыми рисками, с которыми придется так или иначе бороться. В этом смысле весьма оригинальные идеи высказываются Робертом Шиллером. Рассмотрим лишь несколько направлений его мысли.

Первое – обуздание долговых инструментов. Сам Р. Шиллер уже много лет пропагандирует ценные бумаги, привязанные к показателю ВВП; сегодня такие долговые бумаги выпускаются греческим правительством с тем, чтобы привлечь деньги, одновременно снизив риски. По-видимому, этот принцип учета новой для такого рода сделок экономической информации в будущем станет нормой. В настоящее время ничто не мешает России присоединиться к новой практике, однако под вопросом остается ее широкое распространение из-за высокой волатильности отечественного ВВП.

Второе – сокращение теневой экономики. Совершенствование информационных технологий и внедрение электронных денег сделают почти невозможным использование наличных денег в бизнесе, что в свою очередь поставит заслон на пути распространения теневой экономики, и фактически это лишь вопрос времени. Для России эта тенденция будет весьма болезненна, и отечественный бизнес будет отчаянно сопротивляться новой реальности. Однако в длительной перспективе российский теневой сектор, скорее всего, обречен, что создает базу для построения современных инклюзивных институтов, позволяя России стать полноценным участником мировой экономики.

Третье – вместо мирового правительства будут созданы сильные мировые финансовые институты. Р. Шиллер очень проницательно замечает, что, похоронив идею мирового правительства, мы вступили в фазу создания таких авторитетных мировых финансовых институтов, как Банк международных расчетов, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Внутриамериканский банк развития, Азиатский банк развития, Международная ассоциация свопов и деривативов, Всемирная торговая организация (ВТО) и Комитет по международным стандартам финансовой отчетности [*Паласиос-Уэрта* 2016, с. 229]. Именно эти организации образуют несущую конструкцию современной мировой экономики и продолжают эффективно функционировать даже при смене национальных правительств, развитии политического хаоса внутри стран и разворачивании военных действий между государствами. Мировые финансовые институты переживают правительства отдельных стран, и в этом их сила. В будущем международные финансовые организации увеличатся в размере и будут продвигать более сложные финансовые контракты. Однако следует отметить, что на пути интеграции в этот глобальный тренд Россия встретится с большими проблемами. Дело в том, что в последнее время страна придерживается позиции национального суверенитета и не слишком плодотворно сотрудничает с международными финансовыми институтами, видя в них угрозу своему существованию. Тем не менее не исключено, что преодоление сложившейся антипатии к данным структурам будет идти посредством участия России в создании новых глобальных финансовых институтов.

Четвертое – страхование от профессиональных потрясений. В данном случае речь идет о замене человека новыми компьютерными технологиями. Подобный риск чрезвычайно велик, сам по себе способен заморозить личную инициативу и вызвать нежелание специализироваться в обучении и карьере. Технологические шоки приводят к обесценению профессии человека и снижению его заработков. Такая ситуация Р. Шиллером рассматривается как аналог инвалидности (профессиональной), которая должна быть подвержена страхованию. Это революционная

мера и, похоже, в обозримом будущем в российском истеблишменте она не найдет понимания и поддержки. Это означает, что в долгосрочной перспективе в России будет накапливаться «профессиональная инвалидность», возникающая в ходе технологического прогресса, что, с одной стороны, может привести к сдерживанию технологических инноваций, с другой, эта мина замедленного действия способна будет разжечь социальные волнения.

Пятое – превентивная борьба с неравенством. Почти все экономисты сходятся во мнении, что неравенство в мире будет возрастать. Более того, Тома Пикетти утверждает, что доходность капитала всегда выше темпов экономического роста, что неизбежно ведет к росту неравенства [Пикетти 2015]. Коль скоро это так, то со временем может возникнуть ситуация, когда, по выражению Р. Шиллера, гражданам, которым не повезет в будущем, не от чего будет страховаться, так как все произойдет еще до их рождения [Паласиос-Уэрта 2016, с. 240]. В связи с этим экономист предлагает введение превентивной нормы в налоговый кодекс, согласно которой, если в любой момент в будущем неравенство (исчисляемое, например, индексом Джини) превысит некоторое пороговое значение, то налоги автоматически повысятся для людей с большими доходами и снизятся для людей с малыми. Тем самым предлагается превентивный прогрессивный налог, вступающий в силу по мере наступления означенной ситуации. Это опять-таки революционная идея, способная затормозить имущественное расслоение людей, однако сегодня в политический дискурс России она не вписывается: в настоящее время в стране действует плоский (единый) подоходный налог, что делает отечественную налоговую систему уникальной. Внедрение налога по Р. Шиллеру допустимо только при полном переходе от экстрактивных к инклюзивным институтам, что возможно только в весьма отдаленной перспективе. В этом смысле Россия, скорее всего, долгое время будет идти против тренда.

Акцент на построении хороших институтов

Характерно, что почти все ведущие экономисты жаждут не конкретных материальных достижений или абстрактного благосостояния, а хороших институтов. Авинаш Диксит эту установку выразил максимально просто и красиво: «При хороших институтах можно надежно удерживать высокий уровень экономического благосостояния, но без них даже большое богатство может оказаться хрупким» [Паласиос-Уэрта 2016, с. 108]. Более того, он откровенно заявляет, что все остальное – мелочи и чепуха. При этом он выдвигает три неперемennых принципа, которые должны быть положены в основу хороших институтов.

Первый – это активное регулирование на всех стадиях экономического цикла. Рефреном к этому принципу служит выражение чилийского министра финансов Андреса Веласко: «Быть кейнсианцем – значит быть им в обеих частях цикла» [Паласиос-Уэрта 2016, с. 101]. Второй принцип – повышение ответственности каждого индивида за принятые решения: если человек демонстративно избрал стиль жизни, ведущий к раку или диабету, то никто не должен оплачивать его глупость. Эпиграфом к этому принципу можно привести высказывание Герберта

Спенсера: «Если ограждать людей от результатов безрассудства, то в конце концов мир наполнится дураками» [*Паласиос-Уэрта* 2016, с. 104]. Третий принцип – конструктивная критика действий регулятора, что даст возможность подвергать правительственные решения тщательному рассмотрению и обсуждению. Воплощением этого принципа служит идея «лояльной оппозиции Ее Величества» в Великобритании XVIII в.

Все три принципа в сегодняшней России либо откровенно нарушаются, либо находятся в зачаточном состоянии. Критика решений правительства становится все менее популярной и вызывает раздражение власти; тучные годы высоких цен на углеводороды не были использованы для реорганизации отечественной промышленности, а социальная поддержка часто оказывалась людям без учета предыстории возникших у них проблем. Выход России на качественно новый уровень развития предполагает повсеместное внедрение этих трех принципов, что потребует большой мудрости от нынешней и будущей элиты, и, возможно, через 3–4 десятилетия это станет реальностью.

Моральный застой vs потепление климата

В далеком будущем ведущие экономисты видят, пожалуй, две глобальные проблемы – моральную депрессию и глобальное изменение климата. Эдвард Глейзер дает блестящее доказательство того, что возросшее за предыдущий век богатство не помогло человечеству преодолеть семь традиционных смертных грехов: алчность, зависть, лень, чревоугодие, похоть, гордыню и гнев. Не перечисляя подробно все его аргументы, укажем лишь на то, что зависть постоянно подогревается гламурной индустрией, позволяющей людям заглянуть в жизнь более успешных и богатых собратьев, чревоугодие породило болезнь века – ожирение, а гордыня позволила вырастить в США «поколение Я», пораженное тотальным эгоцентризмом, и стимулировать нарциссизм, проявляющийся, в частности, в том, что в популярных песнях с 1980 по 2007 г. произошел рост употребления слова «я». И есть все основания утверждать, что эти пресловутые смертные грехи будут присущи людям и в предстоящие 100 лет.

Продолжая этическую линию, Джон Ремер подчеркивает, что главные риски концентрируются даже не в экономике, а в политике: именно близорукая политика обеих политических партий США (республиканцев и демократов) не позволяет начать решать главную проблему будущего века – выброс парниковых газов и его влияние на климат; именно приверженность многих американцев своим ценностям, которые на поверку оказываются алчностью и гордыней, не дают возможности расширить горизонты политических решений настолько, чтобы начать эффективную борьбу за предотвращение потепления климата. Между тем ситуация осложняется тем фактом, что даже приостановление выбросов двуокиси углерода не позволит сразу охладить земную атмосферу, и вероятность зайти слишком далеко становится достаточно значимой. В этой ситуации возникает *дилемма парной экстерналии*, об опасности которой предупреждает Мартин Вейцман. Первая экстерналиа состоит в том, что для конкретной страны очень дорого снижать выбросы

углерода, а отказываясь от этого, она «награждает» весь мир дополнительным теплом. Вторая экстерналия заключается в том, что последствия глобального потепления для некоей конкретной страны могут оказаться столь тяжелыми, что она вынуждена будет пойти на использование геоинженерии, распыляя в стратосфере отражающие солнечный свет частицы и создавая тем самым искусственный солнцезащитный экран. Такая мера является относительно дешевой и теоретически способна привести к охлаждению атмосферы около земли в течение года, однако ее глобальные последствия абсолютно непредсказуемы. Наложение двух экстерналий вызывает неистребимое искушение применить искусственный солнцезащитный экран.

Выходом из создавшегося экологического тупика М. Вейцман видит в переходе к доктрине *совместной эволюции* людей и природы. Однако идея основана на тех моральных принципах, которые пока не разделяются большинством людей и прежде всего лицами, принимающими стратегические решения.

Каково же место России в этой глобальной проблеме? Как ни странно, но роль самой большой страны в мире в деле выдвижения плодотворных инициатив может быть больше, чем кажется на первый взгляд: Россия уже не раз выступала с революционными и мудрыми инициативами; при необходимости она может и настаивать на своих решениях. Если ей удастся нарастить свой вес в мировой экономике, то с учетом ее геополитического места на карте мира у нее есть шанс выступить в авангарде борьбы за сохранение планеты и человечества. И здесь опять возможен очередной парадокс, когда экстрактивный режим с отнюдь не святым населением проявит большую гибкость и готовность идти на экономические жертвы, нежели развитые страны с инклюзивными институтами. Аргументом в пользу этого тезиса может служить и тот факт, что в борьбе с международным терроризмом экстрактивные институты России, Китая и Узбекистана уже демонстрируют более впечатляющие результаты, нежели инклюзивные европейские государства.

Торжество оптимизма

Даже приведенный выше небольшой дайджест по грядущим проблемам мировой экономики настраивает на не слишком оптимистичный лад. Как справедливо подметил Роберт Солоу, «прошлые 100 лет были достаточно трудными, следующие 100 лет будут еще труднее» [*Паласиос-Уэрта* 2016, с. 247–248]. Однако все ведущие экономисты безоговорочно сходятся в одном: сегодня мы живем лучше, чем 100 лет назад. Следовательно, несмотря ни на что, прогресс не остановился и нет никаких оснований полагать, что в ближайшее время он завершится. В выбранном интеллектуальном дискурсе это совершенно правильная позиция, которую Андреу Мас-Колелл охарактеризовал как осторожный оптимизм [*Паласиос-Уэрта* 2016, с. 160]. Подобная установка верна не только для мира в целом, но и для России в частности. Однако, как справедливо заметил Мартин Вейцман, «разумно одновременно надеяться на лучшее и планировать худшее» [*Паласиос-Уэрта* 2016, с. 294].

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Издательство АСТ.
- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.
- Норт Д., Уоллис Д., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012) В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. Доклад на XIII апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. М.: ВШЭ.
- Паласиос-Уэрта И. (ред.) (2016) Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. М.: Изд. Института Гайдара.
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.

Russia in the Context of Global Economic Trends

Book Review: Palacios-Huerta I. (ed.) (2016) *Cherez 100 let: vedushchie ekonomisty predskazyvayut budushchee* [In 100 Years: Leading Economists Predict the Future], Moscow: Izdftel'stvo Instituta Gaidara.

E. BALATSKY*

***Evgeny Balatsky** – Doctor of Economics, Professor, Director of the Centre for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: room 219, 4, 4th Veshnyakovskii passage, Moscow, 109456, Russian Federation. E-mail: evbalatsky@inbox.ru

Citation: Balatsky E. (2016) *Russia in the Context of Global Economic Trends. Mir Rossii*, vol. 25, no 3, pp. 176–186 (in Russian)

Abstract

This article discusses global issues that will concern humankind in the next 100 years as revealed in Palacios-Huerta I. (ed.) (2016) *In 100 Years: Leading Economists Predict the Future*, Moscow: The Gaidar Institute. In this book, the 10 of most eminent economists discuss the threats and challenges which will be faced by people all over the world in the next 100 years, and possible responses to these challenges. All the economists agree

that the main problems include the design of effective inclusive institutions, combating the growing income inequality, the intensification of intellectual labour, resisting moral decay and the prevention of ecological disasters associated with climate change. In addition, the reviewer considers the following question: to what extent do (or will) the future trends discussed in the book affect the Russian economy and what place can Russia occupy in the new configuration of the world?

The current state of the Russian economy makes it doubtful that efficient inclusive institutions will emerge in the next few decades: it is far more likely that Russia will continue to go against the global trends, and respond to new challenges by relying on its extractive institutions established in the last 15–17 years. It is equally unlikely that it will be able to combat the country's growing wealth inequality, since it continues to rely firmly on a flat income tax, which is almost unique in the Western world. There is every indication that the requirements for fulfilling intellectual work in Russia will be even higher than in many other countries. The degradation of moral values in Russian society is expected to continue at the same rate as other developed countries of the world, creating many political risks and threats. However, more positively, there is a real opportunity that Russia will stand at the forefront of the movement to prevent ecological disasters due to climate change, given sufficient political will in overcoming this problem paradoxically coupled with the existing extractive industries.

Keywords: economic globalization, inequality, economic growth, ecology, risk management, institutions

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty], Moscow: Izdatel'stvo AST.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2015) *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii* [Economic Origins of Dictatorship and Democracy], Moscow: HSE.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow: Izdftel'stvo Instituta Gaidara.
- North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. (2012) *V teni nasiliya: uroki dlya obshchestv s ogranichennym dostupom k politicheskoi i ekonomicheskoi deyatel'nosti. Doklad na XIII aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 3–5 apr. 2012 g.* [In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activities. Papers for the XIII April International Academic Conference on Problems of Development of Economy and Society, Moscow, 3–5 April. 2012], Moscow: HSE.
- Palacios-Huerta I. (ed.) (2016) *Cherez 100 let: vedushchie ekonomisty predskazyvayut budushchee* [In 100 Years. Leading Economists Predict The Future], Moscow: Izdftel'stvo Instituta Gaidara.
- Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st Century], Moscow: Ad Marginem Press.